

Сапфировое сияние, подобно струящемуся туману, окутывало бескрайний зал, высеченный из древнего иссиня-черного камня.

Имир стоял внизу, устремив взгляд на величественную фигуру на тронном возвышении. Несколько тысячелетий разлуки — для их расы срок немалый, но и не вечность.

— От Атлантиды по-прежнему никаких вестей? — ледяной голос эхом прокатился под высокими сводами.

Асир восседал на возвышении. Длинные серебряные волосы струились подобно водопаду, безупречные черты лица казались высеченными изо льда, а в сияющих золотых глазах не было и следа былой теплоты.

— Вселенная безгранична, а законы пространства и времени в ней слишком сложны, — спокойно ответил Имир. В его голосе, когда он смотрел на Асира — владыку, способного оборвать его жизнь одним щелчком пальцев, — сквозило глубокое почтение. — Если люди случайно, сами того не ведая, активировали изменчивый временной поток Атлантиды, найти их будет почти невозможно.

— Человечество — раса, созданная альтеранцами в последней, отчаянной попытке спастись, — Асир медленно поднялся и стал спускаться. С каждым его шагом казалось, будто сам мир покорно склоняется перед его величием. — Они умудрились воссоздать в людях полноценную систему Хвер. А значит, человечество — это наше далекое прошлое, наделенное безграничным потенциалом. Кто знает, вдруг когда-нибудь они и впрямь превратятся в великую цивилизацию?

— Но это случится в слишком далеком будущем. Настолько далеко, что у нас предостаточно времени, чтобы их уничтожить.

— Эволюция любой цивилизации полна преград и смертельных ловушек. Если они не сумеют обуздать свои темные порывы — предвзятость, алчность, ненависть... их разум помутнеет, и они сами разрушат то, что едва успели восстановить из пепла.

Асир рассуждал холодно и бесстрастно, но в его словах крылась непреложная истина, которую он когда-то познал на собственном опыте.

— Если так, то зачем тебе эта плоть? — Имир на мгновение замешкался, но все же решился коснуться темы, которая для Асира была абсолютным табу. — Тело для нас — не более чем сосуд, лишенный всякой ценности. Ты столь упрямо цепляешься за него лишь под влиянием чуждых эмоций, которые альтеранцы когда-то насильно в тебя внедрили.

— Стоит ли хранить эту оболочку? Ты — наш Верховный бог, тебе не нужны земные чувства. Это лишь семена раздора, заложенные альтеранцами.

Внезапно пространство сжалось. Невидимая, сокрушительная аура величия накрыла Имира с головой, точно штормовая волна. Он нахмурился и тяжело опустился на одно колено прямо к ногам Асира.

Асир окинул Имира царственным, леденящим взглядом.

— Я — Руна, владыка всего сущего, — его голос зазвучал с незыблемой властью. — И я уже говорил: никто не смеет подвергать сомнению мои решения, когда дело касается его. Все, что от вас требуется — это беспрекословное послушание. Тот, кого я избрал, разделит со мной трон. Надеюсь, ты меня понял.

— Слушаюсь... — с трудом выдавил Имир, склоняя голову под невыносимым давлением.

Будучи по природе лишенным эмоций, он тем не менее ощутил глухой укол унижения. Созданная ими некогда раса теперь встала над ними. Не в этом ли крылось истинное проклятие альтеранцев?

Проводив взглядом удаляющегося Имира, Асир застыл в безмолвии. В его сияющих золотых глазах промелькнуло мимолетное смятение, сменившееся глубокой задумчивостью. Он прекрасно понимал тревогу Имира. По всем законам у него не должно было быть чувств, но его любовь уже проникла до самых костей, обратившись бесчисленными нитями Хвер, вплетенными в первозданную суть его естества.

Он не мог и не желал избавляться от них. Стоило мысленно попытаться оборвать хотя бы одну из этих невидимых связей, как грудь пронзала дикая, невыносимая боль, словно из него заживо вырывали сердце. Его душа и тело давным-давно слились воедино с любимым человеком, и разделить их теперь было невозможно.

Асир покинул чертог. Миновав окутанные бурлящим синим светом Радужные врата, он вернулся в самое сердце Города богов — его закрытую, заповедную зону. Прекрасные потоки Хвер, хранящие первозданный исток жизни, струились здесь так же, как и вечность назад, лаская пространство мягким весенним теплом.

Здесь больше не царил холодный иссиня-черный полумрак. Потакая желаниям Хань Цзина, эти земли засадили пышно цветущими розами и плакучими яблонями. Бутоны раскрылись во всей красе, оплетая мрачную землю ярким ковром сочных розовых и нежных лиловых лепестков. Они мягко покачивались в ласковых потоках воздуха, создавая удивительное ощущение, будто время повернуло вспять.

Казалось, они вернулись в Эвиду — в их тихий дом, где провели бок о бок четыре счастливых года...

Этот уголок был воссоздан по воспоминаниям Хань Цзина. И пусть из его памяти стерли бывшие кошмары и боль, в глубине души он по-прежнему тосковал по тем временам, в которые когда-

то вложил всю свою любовь без остатка.

Асир едва заметно нахмурился, и в его золотых глазах пошла рябь глубокого, потаенного чувства.

— Все еще читаешь? Отдохни, если устал, — Асир тихо подошел со спины и ласково обнял Хань Цзина, укрывшись среди благоухающих роз. Прижавшись щекой к лицу любимого человека, он дарил ему ту трепетную нежность, которую во всей вселенной берег лишь для него одного.

— Ты сегодня рано, — Хань Цзин перехватил его ладони, собираясь развернуть Асира и заключить в объятия. Владыка на мгновение замялся, но тут же мягко обвил руками его шею и послушно приник к нему.

Как и всегда, Хань Цзин увлек любимого в глубокий, томительный поцелуй. Чувства, бушевавшие между ними, казалось, невозможно было исчерпать до конца. Лишь когда дыхание Асира сбилось, а его тело окутало мягкое тепло, Хань Цзин неохотно отстранился.

— Хочу поскорее со всем этим разобраться, — Хань Цзин взял лежавшую рядом книгу. — Я штудирую эти труды столько лет, но от меня до сих пор нет никакого толку. Я не этого хотел. Моя мечта — стать твоей настоящей опорой, твоей истинной второй половиной. Я хочу защищать тебя, Асир.

Хань Цзин говорил с абсолютной серьезностью, не сводя взгляда с лица любимого. Любой другой на его месте не посмел бы даже помыслить о подобном дерзком желании — ведь Асир являлся абсолютным владыкой вселенной, вершащим судьбы мириад миров. Но Хань Цзин вырос в негласном обожании Асира, который только наедине с ним сбрасывал маску величия, обнажая потаенную уязвимость.

И Асиру безумно нравилось это стремление. Он с упоением предавался сладостному чувству, когда Хань Цзин пытался окружить его заботой. В этом было столько тепла и покоя — точь-в-точь как в тот день, когда тот дал клятву оберегать его вечно.

Ресницы Асира дрогнули, когда он заглянул в решительные глаза Хань Цзина.

— Ты и так защищаешь меня. Всегда защищал.

Хань Цзин бережно обхватил его за талию. Он не понимал, почему во взоре Асира промелькнула едва уловимая тень затаенной боли, и потому просто прижался губами к его щеке.

— Но мне хочется стать сильнее, чтобы уберечь тебя. Тебя и двух наших дочерей, — Хань Цзин говорил с пылким жаром, но, опустив взгляд на открытую страницу, невольно вздохнул. Утраченные знания были настолько сложными и непостижимыми, что он невольно сомневался:

неужели он действительно когда-то ими владел?

— Не торопись. Сама концепция временных потоков невероятно абстрактна, она требует огромного терпения и душевных сил, — заметив смятение любимого, Асир мягко забрал у него книгу и устроился поудобнее в его объятиях. Когда-то он презирал подобные архаичные способы хранения знаний, но сейчас искренне полюбил их — просто за то, что они дарили им эти мгновения близости.

Каждое правило, каждый закон, который постигал Хань Цзин, были дарованы им самим. Казалось, будто Хань Цзин до последней капли принадлежит только ему... Асир неторопливо перелистывал страницы, уносясь мыслями куда-то вдаль. Божество, обретшее чувства, неизбежно познает и темную сторону любви — всепоглощающую, ревнивую жажду обладания.

— Послушай... ты ведь упоминал, что течение времени берет начало в шестимерном пространстве. Но что тогда представляет собой семимерное? И что кроется в восьмимерном? — Хань Цзин коснулся пальцем пожелтевшей страницы, озвучивая свои давние сомнения.

Асир негромко рассмеялся:

— Семимерное пространство — это чистая вариативность. Перекресток бесконечных точек прошлого, где они сталкиваются и порождают череду предсказуемых явлений, из которых затем соткана непредсказуемость будущего. Можно сказать, семимерное измерение дает математическое описание одной вселенной. А восьмимерное — это плоскость соприкосновения, тончайшая касательная линия, на которой сталкиваются временные потоки двух разных вселенных.

— Говоря простым языком, восьмимерное пространство — это то, что вы называли параллельными мирами. Стоит продлить эту касательную линию в бесконечность, и ты сможешь совершить переход из одного космического пласта в другой.

— Ну а девятимерное пространство, рубеж которого мы преодолели, теоретически способно породить новую вселенную. Это безумно сложная концепция. Она требует полного разрушения брэнной плоти ради перехода в царство чистых энергетических сущностей.

— То есть где-то существует иная вселенная? Мир, абсолютно непохожий на наш? — Хань Цзин приподнялся на локтях, и в его глазах вспыхнул живой интерес.

Глядя на оживившееся лицо любимого, Асир мягко улыбнулся:

— Пожалуй. Но там многое устроено совсем не так, как ты рисуешь в своем воображении. Если тебе интересно, я могу когда-нибудь отвести тебя туда. Быть может, тогда ты взглянешь на все иначе.

— Но в ближайшее время это вряд ли получится, — Асир ласково остудил его пыл, впервые отказав в немедленном исполнении желания.

Хань Цзин удивленно приподнял брови:

— Что-то случилось? Ты занят?

— Не во мне дело, а в нем, — Асир потянулся к нему и прижал ладонь Хань Цзина к своему низу живота.

— Кажется, я снова жду ребенка. Вот почему меня в последнее время так клонит в сон.

Рука Хань Цзина заметно задрожала. Он взволнованно прижал любимого к себе:

— Но ты ведь уверял, что больше не хочешь проходить через это? С двумя дочками и так забот полон рот.

— Но это же наш малыш, как я могу от него отказаться? — Асир ласково потерся щекой о его скулу. При воспоминании о былых тяжелых родах у него до сих пор холодело внутри. Он действительно зарекался рожать, но его странная, неодолимая привязанность к земной плоти диктовала свои условия. Как бы сильно он ни подавлял свои желания, рядом с Хань Цзином контроль рассыпался в прах, уступая место безудержной страсти, и уберечься от последствий было невозможно.

О рождении Кэтрин и Алисы у Хань Цзина остались лишь смутные, рваные воспоминания. Именно поэтому новость о новой беременности Асира заставила его не на шутку занервничать — его ладони мгновенно покрылись испариной.

В этот момент со стороны благоухающего моря роз одна за другой показались две девичьи фигуры.

— И не смей проговориться, уяснила?

— Но ты меня с собой не взяла...

— От тебя только шум, а у меня было серьезное дело.

— Серьезное дело? Опять бегала к тому оборванцу из низших каст? И что ты в нем нашла?

— Он, может, и не писанный красавец, но с ним жутко интересно. Уж точно повеселее, чем с тобой.

— Но ты же моя старшая сестра!..

— Знаю я, знаю. Да потише ты! Хочешь, чтобы отец услышал?

— Ты каждый раз заставляешь меня тебе подыгрывать и врать...

— Ладно тебе, в следующий раз возьму с собой. Только рот на замок!

Асир приподнялся, и его лицо мгновенно омрачилось. Хань Цзин поспешно обнял его, пытаясь утихомирить:

— Не сердись. Тебе сейчас нельзя волноваться, побереги себя.

— Это все из-за того, что ты ей постоянно потакаешь! — с досадой выдохнул Асир. — Посмотри, в какую избалованную девчонку она превратилась!

— Для Кэтрин вполне естественно общаться с ребятами из низших каст. В этом месте ей не с кем делить досуг, кроме Алисы, вот она и мается от скуки, — Хань Цзин, по своему обыкновению, горой встал на защиту дочери. — Если хочешь удержать ее дома, лучший выход — подарить ей побольше братишек и сестреноч. Когда семья большая, скучать некогда. А иначе Алиса подрастет и станет точь-в-точь как ее старшая сестра.

— Да как ты!.. — Асир возмущенно уставился на Хань Цзина, чувствуя, как к щекам приливает жар смущения.

— Ну же, я просто шучу, не принимай близко к сердцу, — с улыбкой Хань Цзин мягко прижал его к себе. — Прости глупца. Просто мне не хочется, чтобы они выросли холодными и безучастными, подобно Имиру. Взгляни на них: они болтают, делятся секретами... разве это не настоящее счастье?

При виде приближающихся дочерей сердце Хань Цзина наполнилось нежным теплом. Кэтрин уже исполнилось тринадцать. Избалованная отцовской любовью, она росла капризной, но поразительно красивой, и даже в ее упрямстве сквозило врожденное благородство. Восьмилетняя Алиса чертами лица неуловимо напоминала и его самого, и Мориса. Ее тоже зацеловали и изнежили, поэтому она то и дело спорила и препиралась со старшей сестрой. Девочки были неразлучны, обожали ластиться к отцу, а вот перед строгим величием Асира испытывали невольный трепет.

Асир нахмурился и осторожно прикрыл ладонью живот. В самой глубине его души зародилось смутное, неизбежное предчувствие: нити этой всепоглощающей любви сплели узор, который он уже не в силах изменить. Прежде застывший, остававшийся незыблемым на протяжении тысячелетий мир медленно, но бесповоротно соходил со своей привычной орбиты.

<http://bllate.org/book/19677/2006511>